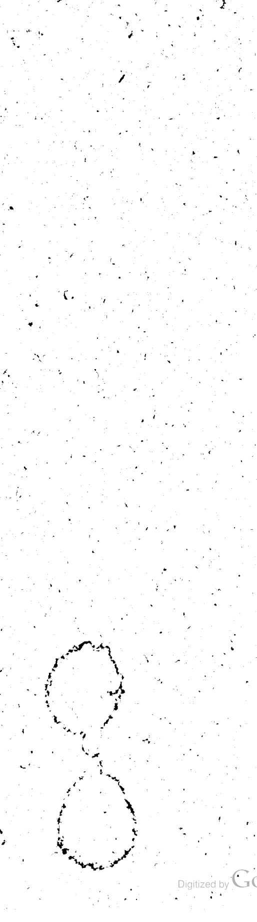
ДѢДУШКИНЫ

ПОСИДѢЛКИ.

1



ДѢДУШКИНЫ

ПОСИДѢЛКИ.

I.

ДѢДУШКИНЫ ПОСИДѢЛКИ.

ПОВѢСТИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи М. Пономарева.
1834.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра, Москва. Февраля 16 для 1834 года.

Профессоръ, Ценсоръ и Кавалеръ

И. Снегиревъ.

ТРИ МѢШКА

ПРАВДЫ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Пріятно воспоминаніе безпечнаго дѣтства. Оно, какъ сладкой сонъ, улетаетъ и не возвращается. Перенеситесь мыслію въ тѣ блаженныя минуты, когда все новое и при томъ маловажное занимаетъ человѣка до безконечности; сколько увидите красотъ, промелькнувшихъ мгновенно и скрывшихся на всегда въ безднѣ вѣчности и недосягаемости! —

Такъ я, сидя на зеленой лужайкѣ подъ широкими тѣнями липъ

и березъ, часто привожу на память минувшую юность и любуюсь рѣзвостями дитяти. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ живу на свѣтѣ. — И все еще не забылъ разказовъ моего почтеннаго дѣда, забавлявшаго меня болѣе десяти лѣтъ. Для сего дѣлалъ онъ каждый день *посидѣлки*, или *вечера* подъ названіемъ вздумалъ я на старости лѣтъ исписать нѣсколько листовъ бумаги и тѣмъ сколько нибудь развлечь читателя въ часы скучнаго досуга.

Да перестанете ли вы шалить,— чтобъ васъ гицали оправили? При-

крикнулъ дѣдушка, когда насъ мальчиковъ до десяти вертѣлось около него и каждый хваталъ его за полы изношеннаго камзола. Плоскій, широкій лобъ его наморщился и большіе, голубые глаза заблистали огнемъ угрозы.

Выслуживъ двадцать семь лѣтъ въ пѣхотной Артиллеріи, онъ еще не совсѣмъ потерялъ ту живость, къ которой приучила его молодость и свѣжее здоровье. Набожный какъ старикъ, грозный какъ воинъ, веселый какъ комикъ, пасмурный какъ трагикъ, заунывный какъ самая мелодрамма, онъ вездѣ и со вся-

кимъ имѣлъ равныя отношенія и не было ни одной души въ окрестныхъ нашихъ деревняхъ, къ которой бы онъ не умѣлъ приспособиться надлежащимъ образомъ. Странная его физіогномія, вмѣщавшая въ себѣ столько противоположностей, возбуждала въ каждомъ къ нему почтеніе, сожалѣніе, страхъ, смѣхъ, расположеніе и нерасположеніе въ одно и тоже время.

Военная субординація еще сохранилась въ немъ и до нашихъ временъ. Мы тотчасъ бывало выстроемся всѣ во фрунтъ, какъ скоро онъ появится къ намъ съ серьознымъ лицемъ и отрывисто произ-

несетъ : ну-тка вы, маргуны! шевелитесь. Тихо, бестіи! Воскликнетъ потомъ.—и мы стоимъ какъ гвозди, не осмѣливаясь и глазомъ повести. Но, лишь тронься хоть однимъ членомъ, тотчасъ получишь въ лобъ награжденіе и въ одинъ мигъ опрокинешся на полъ. За то умѣлъ насъ и утѣшить расказами своими.—Только держи у него ухо остро; а если, грѣшнымъ дѣломъ, да станешь перебивать его слова,—тогда простись съ сырой землей, въ цѣлой вселенной не найдешь мѣста. Коли не убѣжалъ, а попался ему въ это время въ руки, такъ-ли распотѣ-

шишь добраго молодца, что не забудешь до новыхъ вѣниковъ.

Много исходилъ онъ странъ и народовъ, много видѣлъ обычаевъ и наслушался повсюду анекдотовъ и повѣстей. Каждый день разказывалъ онъ намъ по одной и тѣмъ привязалъ насъ къ себѣ столько, что мы взапуски принимались кричать, когда его не было съ нами часа два или три. Вотъ слабый очеркъ моего почтеннаго дѣдушки.

Сказатьли вамъ, что онъ сдѣлалъ, когда прикрикнулъ на насъ? Надвинулъ на глаза свой кожаный картузъ, да и пошелъ отъ насъ прочь; съ нами болѣе дѣлать нече-

го. Какимъ же образомъ воротить его назадъ? Я и позабылъ сказать вамъ объ одной его причудѣ, или слабости. — Какъ хотите, назовите; дѣло въ томъ, что онъ гораздо веселѣе дѣлался, когда кто нибудь изъ насъ раскуритъ ему трубку, до которой онъ былъ страстный охотникъ. Трубка его, какъ и картузъ, были самой—самой старинной выкрайки, какую только кто можетъ запомнить изъ Антикваріевъ. Мы побѣжали за нимъ съ извѣстною услугой и наконецъ, послѣ долгой прозьбы, онъ воротился къ намъ и принялся за расказъ. Такъ онъ началъ. —

Слушайте, милые дѣти! Я раскажу вамъ повѣсть не про-храбрыхъ рыцарей, не про-злодѣевъ разбойниковъ и не про-могучихъ богатырей; а раскажу ли я вамъ—такъ это про-то, какъ старики—наша братья васъ шалуновъ умѣютъ за носъ водить, да на ниточкѣ держать. Слушайте же смирно: я не то еще вамъ скажу—у меня вы услышите не то, что вы думаете—гадаете. Только держитесь лишь крѣпче за землю, смотрите.... Не я ли вамъ говорю, не я ли приказываю?

ТРИ МѢШКА ПРАВДЫ.

I.

Андрей по смерти родителей своихъ остался двухъ лѣтъ. Будучи рожденъ отъ крестьянина, онъ не такъ плакалъ объ отцѣ и матери, какъ о своихъ игрушкахъ, которыхъ жестокосердые родственники его лишали. Сколько забавляли его дома, столько напротивъ

теперь въ чужихъ рукахъ стерпѣлъ онъ ненависти и гоненія. Такъ прошло три года; слѣдственно Андрей достигъ уже до пятилѣтняго возраста. Руководимый болѣе природою, нежели воспитаніемъ, онъ весьма живо почувствовалъ какой-то недостатокъ въ жизни; желалъ вознаградить его, но не могъ предвидѣть еще средствъ, способствующихъ къ достиженію дѣла. Часто доходилъ онъ до жесточайшей ссоры съ своими грубыми покровителями, когда они возлагали на него слишкомъ несносную должность. ,,Что вы напали на меня одного?" Говаривалъ онъ:

„Видно, я вамъ по зубамъ достался! Эшка вы лакомки до нашего браша! Какъ бы живъ былъ башюшка, да родимая машушка, шакъ вы шогда бы позѣвали на меня.“...

Съ шѣхъ поръ возродилась въ немъ ненависшь ко всѣмъ необразованнымъ; онъ замѣшилъ, чшо для его души нуженъ совсѣмъ не шошъ образъ жизни, какой ведушъ люди одного съ нимъ сословія. Но чѣмъ болѣе сшарался онъ смягчишь злые характеры окружавшихъ его, шѣмъ болѣе получалъ наказанія и шрудносшей въ рабошѣ. Однажды вечеркомъ, когда послали его въ поле,

онъ вздумалъ — было бѣжать отъ своихъ утѣснителей; но темная ночь остановила, напуганное расказами, его воображеніе и заставила искать удобнѣйшаго случая къ побѣгу. Много разъ собирался онъ выполнить свое намѣреніе среди дня, но тотчасъ приходилъ кто нибудь изъ родственниковъ и отнималъ его свободу.

Наконецъ въ одинъ Воскресный день, когда всѣ ушли къ обѣднѣ, нашъ Андрей не упустилъ изъ виду сихъ драгоцѣнныхъ минутъ, пархнулъ и какъ будто не бывало его. Сколько былъ обрадованъ, когда

выбѣжалъ поспѣшно за околицы, не будучи ни кѣмъ замѣченъ. Не обращая вниманія на будущее, онъ весьма исправно пользовался своимъ настоящимъ и прошелъ такимъ образомъ уже около десяти верстъ. Непривычка, ходить вдругъ поштольку разстоянія безъ отдыха, нѣсколько истощила силы его и онъ принужденъ былъ наконецъ отдохнуть, что бы сколько нибудь укрѣпиться въ силахъ для свободнаго продолженія пути. Здѣсь-то представилось ему будущее и наполнило его юную фантазію всѣми ужасами непроницаемости и мрачной безъизвѣстности. Часа два оно занимало

душу его; но природа наконецъ взяла верхъ надъ всѣмъ; Андрей бросилъ всѣ опасенія въ сторону; вспомнилъ о своей цѣли и положивъ нѣсколько земляныхъ поклоновъ на виднѣвшуюся въ сторонѣ церковь, отправился далѣе съ надеждою на Утѣшителя нещастныхъ и Покровителя вдовъ и сиротъ. „Тамъ," говорилъ онъ, указывая на небо, „Тамъ Отецъ нашъ; онъ всѣхъ насъ оттуда видитъ и напередъ знаетъ, куда я иду, уже онъ доведетъ меня до какого нибудь хорошенькаго мѣстечька!"

Сколько ни ограниченны понятія сего отрока о пребываній Творца міровъ; но сколько бы людей сдѣлались гораздо счастливѣе, если бы хотя подобнымъ образомъ думали. Тогда жажда и голодъ не упомляли бы человѣка; лѣтняя одежда защищала бы отъ стужи зимней и никакое бы нещастіе не потрясало души огорченнаго; Такъ—Андрей молился и былъ за то вознагражденъ.

II.

Прошедши нѣсколько верстъ впередъ, онъ приближался уже къ одному небольшому городу; по сторонамъ дороги желтѣли полные колосья густой ржи и колыхаясь отъ маленькаго вѣтра, восхищали домовитаго хлѣбопашца и давали чувствовать вполнѣ всю цѣну трудовъ его. Сердце нашего неопытнаго бѣглеца запрыгало отъ радости при видѣ города, къ которому онъ уже почти приступилъ. Еще оставалось не болѣе саженей пятидесяти и онъ бы достигъ до слободы, но вдругъ остановленъ былъ сзади

рукою неизвѣстнаго ему пѣшеходца, съ ружьемъ на плечѣ.

Дѣдушка! Закричалъ онъ отъ испуга не бей меня — я тебѣ поклонюсь въ ножки.

—Не бойся, другъ мой! отвѣчалъ прохожій, снимая ружье.

Ай, ай! вскричалъ опять Андрей, вырываясь изъ рукъ остановившаго его.

—Чегожъ ты пугаешься, милой мой? замѣтилъ старикъ.

Да; — ужъ мнѣ и безъ твоей дубины-то доставалось каждый день на похлебку! Отвѣчалъ Андрей, въ первый разъ отъ роду увидавшій ружье и почетшій за дубину.

— Пособи мнѣ маленько: понеси эту дубинку, я тебѣ за это дамъ гостинецъ, прибавилъ старикъ.

Съ удовольствіемъ взялся Андрей удовлетворить просителя, хоть бы только избавиться отъ побоевъ, которыхъ ожидалъ отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Не далеко было до дома; скоро они дошли и огромность хижины подгород-

наго крестьянина ослѣпила глаза сельскаго урожденца. Чистая дубовая скамья, стояла подлѣ липоваго стола, накрытаго толстымъ полотномъ. Введшій его въ домъ былъ хозяинъ, старинный и опытный охотникъ, кормившій трудами рукъ своихъ бѣдное семейство, которое состояло изъ вдовой его дочери и маленькой внучки. Сія-то послѣдняя утѣшала наиболѣе Максима (такъ звали старика) своею дѣтскою игривостію и простодушными ласками. Часто милая Маша (имя внучки) подбѣгала къ своему дѣду и подавала ему свои игрушки. Со слезами умиленія онъ бралъ затѣйли-

выя рученки ея и цѣловалъ ихъ съ нѣжностію отца, любующагося своимъ дитятею.

Андрей стоялъ какъ приростшій къ полу и ни однимъ членомъ не шевелилъ. Съ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на все, что только окружало его, но болѣе всего понравилась ему Маша, бывшая въ то время 4-хъ лѣтъ. Неправильность ея физіогноміи, еще не развернувшейся отъ молодости, каріе, быстрые глазки, румяныя нѣжныя губки; простота и опрятность домашняго ея наряда придавали ей невыразимую пре-

лесшь. Самъ купидонъ страшился коснуться прекрасныхъ усшъ ея, дабы не нарушишь ея спокойсшвія.

Андрей, сшоявшій до сихъ поръ неподвижно какъ истуканъ, бросился къ ногамъ Максима и вскричалъ умоляющимъ голосомъ; дѣдушка! возьми меня къ себѣ жишь: я буду шебѣ рабошашь шакъ, какъ въ деревнѣ рабошалъ!

Сшарикъ осшолбѣнѣлъ отъ удивленія и вскорѣ потомъ поднявши Андрея, приласкалъ его и согласился осшавишь его у себя. Послѣ многихъ распросовъ узналъ онъ объ

его родственникахъ и нашелъ, что отецъ Андрея былъ нѣкогда пріятелемъ. Максимъ часто ночевалъ въ его домѣ, когда настигала ночь и поздно было съ охоты возвращаться домой.

Съ особеннымъ усердіемъ Андрей принялся ухаживать за дворомъ Максима, когда сей отправлялся на обыкновенный свой промыслъ. Всегда хозяинъ дома находилъ своего пріемыша исправнымъ въ дѣлахъ. Похвала, благодарность и сладкая дичина были наградою Андрѣю, за его аккуратность и ловкость, съ какою онъ исправлялъ свою должность и оказывалъ услуги. Въ праз-

дное время онъ игралъ съ Машею, красота коей день ото дня развивалась и постепенно покоряла сердце молодаго пришельца.

Такъ прошло десять лѣтъ и страстные любовники почувствовали всю силу взаимной склонности. Максимъ заставилъ Андрея учиться грамотѣ и сей хаживалъ къ престарѣлому дьячку для изученія азбуки. Съ восторгомъ прибѣгалъ онъ къ своей любезной и передавалъ ей то, что пріобрѣлъ самъ. Такъ наконецъ онъ научился читать и писать и вмѣстѣ съ тѣмъ обучилъ и Машу тому же. Чего недоставало

къ ихъ блаженству? каждому понятно.

Замѣтивъ взаимную ихъ нѣжность престарѣлый Максимъ не рѣшился препятствовать имъ. Но наконецъ Андрей не могъ долѣе выдержать пытки страстей открылся своему покровителю и просилъ благословенія. Не такъ поступилъ почтенный старецъ, какъ хотѣлось будущему его внуку.

Подожди еще пять лѣтъ; говорилъ Максимъ: ты будешь имѣть способъ пропитать жену свою и сверхъ того сдѣлаешся гораздо опытнѣе для продолженія жизни, когда я научу тебя моему

ремеслу. Ты молодъ и здоровъ; слѣдовательно чрезъ искусство охотничье можешь достать легко все, что будетъ нужно для содержанія семейства. Посиди у моря подожди погоды; стерпится,—слюбится. Я самъ женился двадцати лѣтъ и не хочу, чтобы и внука моя вышла за пятнадцати-лѣтняго молокососа. Трудись, Андрюша! завтра начнемъ съ тобой охотиться и ты по неволѣ скажешь тогда, что охота весела. На старости лѣтъ мнѣ только и утѣхи:—что Маша, да охота. Молись Богу, ложись спать: утро вечера мудренѣе. . . .

III.

Насталъ день—и наши охотники пустились въ путь. Съ перваог раза Максимъ замѣтилъ въ Андреѣ ловкость и скорую переимчивость стрѣлять. Мѣткая его рука недрогнула, когда старикъ приказалъ ему цѣлить въ назначенное на дубу мѣсто. Дано десять выстрѣловъ. — И молодой охотникъ, съ удивительною тонкостію подражая своему наставнику, смѣло выпалилъ въ летѣвшую драхву. Залпъ раздался по воздуху и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная птица заколыхалась, завертѣлась и мѣдленно опустилась на землю.

Браво! Воскликнулъ старикъ, обнимая своего ученика. Не зная, что отъ радости дѣлать, Андрей то подбѣгалъ къ Максиму, то снова удалялся отъ него и не прежде могъ успокоится, какъ услышалъ приказаніе идти далѣе. Цѣлый день трудились они и Андрей новою былъ обрадованъ добычею своего искуства. Къ вечеру возвратились домой со множествомъ дичины; Маша встрѣтила ихъ за городомъ, чего давно уже небыло, когда охотился одинъ только ея дѣдушка. Десять поцѣлуевъ были позволены нашимъ любовникамъ и наградили ихъ за все, чего они бы-

ли достойны въ этотъ день. Но, вошедши въ хижину, Маша еще прибавила нѣсколько поцѣлуевъ уже безъ позволенія и сладость переливалась изъ устъ въ уста. — Конечно, быть можетъ, она не постояла и за большимъ числомъ, но какая то невинная застѣнчивость развела ихъ очень скоро. Собственными руками прекрасная дѣва въ первый разъ изготовила ужинъ, который столько былъ вкусенъ, что самъ Максимъ облобызалъ маленькую кухарку въ прелестный лобокъ. . . .

На другой день охотники еще болѣе получили успѣха въ своихъ дѣлахъ. И такъ съ каждымъ днемъ Андрей пріобрѣталъ болѣе и болѣе навыка, такъ что въ годъ, наконецъ онъ превзошелъ въ искуствѣ семъ самаго учителя. Съ какимъ восторгомъ встрѣчала его Маша, когда онъ возвращался съ урока, съ такимъ теперь обнимала его при возвращеніи съ охоты. Но при всемъ ея восхищеніи ожиданіе томило нетерпѣливое ея сердце: она желала, чтобъ остальные 4-ре года протекли къ завтрашнему дню; но каждое завтра лишь болѣе придавало ей нетерпѣнія.

Еще до заката солнца выбѣгала она за заставу и часа по два дожидалась дѣдушки и своего любезнаго, который вмѣстѣ съ поцѣлуями отдавалъ ей часть дичины и она—съ удовольствіемъ принимала ношу изъ рукъ того, которому поклялась посвятить жизнь и вольность.

Между тѣмъ протекали годы; состояніе бѣднаго семейства значительно поправлялось и наконецъ по истеченіи долгихъ пяти лѣтъ трудами своими пріобрѣли они, за всѣмъ необходимымъ, болѣе двухъ сотъ рублей. Маша благодарила,

Провидѣніе, что оно даровало ей столь нѣжнаго жениха и столь благоразумнаго домоправителя.

Родственники Максима, давно уже забывшіе его, какъ презрѣннаго бѣдняка, прослышали о богатствѣ, которое трудолюбивый стрѣлокъ пріобрѣлъ съ помощію своего пріемыша. Слухъ сей возбудилъ ихъ хитрое вниманіе въ высочайшей степени. „У него есть деньги, говорили они:“ слѣдственно надобно его навѣстить, въ праздничный день; онъ любитъ поздравленіе — надобно притвориться усердными и тогда — смѣло приступимъ къ его казнѣ.“

Въ слѣдъ за роднею старика прицѣпилась и Андреева. Эта последняя саранча, нѣсколько разъ видѣвшая своего бывшаго воспитанника, но не имѣвшая отъ него ничего выгоднаго, быстро теперь налетѣла на *колосистую пшеницу* и съ неимовѣрнымъ аппетитомъ устремилась воскурить на камнѣ алчности своей невинную жертву. Къ сожалѣнію столько на этотъ случай найдется подражателей, что и у самаго лучшаго математика закружится голова отъ пересчитыванія подобныхъ. . . Чтожъ касается до щетовъ купца, то напередъ скажу ему, чтобъ онъ и не

думалъ хвататься за такія трудности, какихъ ни одна аспидная доска вмѣстить не можетъ....

На этомъ мѣстѣ, читатели мои драгоцѣнные, остановился дѣдушка, покачалъ, головою вздохнулъ, закурилъ свою деревянную трубку и пошелъ отъ насъ — слушателей прочь.

IV.

Унылость заступила мѣсто нашего общаго веселія; одно протяжное дѣдушка вылетало изъ устъ каждаго и навернувшіяся слезы обозначали упадшій духъ нашъ. Долго не могли упросить его о продолженіи разсказа, наконецъ онъ тронулся нашими цѣлованіями и колѣнопреклоненіями. „Ну!" сказалъ онъ такимъ голосомъ; который выказывалъ охладѣвающій гнѣвъ: „Ну, супостаты! Слушайте, слушайте; да приготовьте мнѣ кружку Мартовскаго; пойдемъ въ садъ: тамъ будетъ прохладнѣе подъ тѣнью

молодыхъ липокъ. — Мнѣ охотнѣе будешь расказывать, а вамъ охотнѣе слушать."

Все немедлено было готово и — мы переселились подъ липки. Сладкій ароматъ цвѣтовъ и деревъ, вытѣсняемый жаромъ полуденнаго солнца, зыбко разливался по пространству и производилъ самое пріятное ощущеніе. Мягкое пиво препетно перекатывалось въ горло разсказщика и исторгало пріятные порывы чувствъ и страстей. Тонкая струя гордаго напитка тихо журчало подъ утесами челюстей и мелодически дѣйствовала на душу пьющаго. Самъ соловей, скры-

вавшійся подъ вѣтвями отдаленной черемухи, не вытерпѣлъ сей нѣжной гармоніи: защелкалъ, засвисталъ и дроби волшебныхъ трелей посыпались по душистому воздуху. При столь благопріятной симпатіи соловья удивительно ли было проясниться челу Антикварія? Онъ снова началъ разсказъ.

Обрадованный визитами корыстолюбивыхъ родственниковъ, добрый Максимъ вскорѣ благословилъ Андрея и Машу и клятва въ вѣрности запечатлѣлась на устахъ согласной четы. Старый Священникъ, не рѣдко навѣщавшій нашихъ охотниковъ,

давно уже совѣтывалъ Максиму соединить руки любовниковъ: ибо въ характерѣ милой дѣвицы онъ замѣтилъ самую шаткую невинность, для поддержанія коей нужно былъ такой человѣкъ, какого видѣлъ въ Андреѣ. День свадьбы обрадовалъ сердце почтеннаго старца, который въ судьбѣ невѣсты принималъ столько участія. Болѣе пятидесяти штукъ родственной саранчи и съ той и съ другой стороны налетѣло на вкусную дичь Андрея и Максима. Ровно двѣ недѣли продолжалось неугомонное пированье, такъ что наконецъ всѣ почти одурачѣли совершенно.

Казна гостепріимныхъ хозяевъ истощилась, запасы яствъ и питей уничтожились и безтолковые гости, наглыя какъ головныя насѣкомыя, посыпались цѣлыми кучами со двора домой. Вмѣстѣ съ симъ молодые супруги получили полною свободу наслаждаться пріятнымъ утромъ юности и любви. Наперерывъ другъ передъ другомъ старались они выказать свою радость, любезность и все, что только можетъ выдумать не простывшая еще горячность. Правда — затѣй ливость ихъ простиралась, можетъ быть, еще далѣе; но мы положимъ здѣсь границы, за которыя ни шага

не переступимъ. Посмотримъ только на то, что дѣлается въ семействѣ нашихъ стрѣлковъ.

Вкушая плоды нѣжныхъ чувствъ, Андрей незабылъ о своемъ состояніи, до котораго довела его свадьба. — Нужно было сколько нибудь поправиться для того, чтобы спокойнѣе пить нектаръ супружества. Посему ремесло съ новою силою возвратилось въ хижину Андрея и Максима: они возобновили свою охоту и — жизнь согласнаго семейства мало по малу приняла лучшій видъ. Но недолго беспечная Летиція осѣняла мирный кровъ, здоровье

Максима примѣтнымъ образомъ ослабѣвало.

Однажды въ ненастный день, когда неистовая буря, распустивши жесткія крылья, разносила повсюду дождливыя облака, нашъ старый охотникъ зашелъ весьма далеко отъ своего жилища, такъ что и къ ночи не могъ до него добраться. Промокши до костей (въ полномъ смыслѣ сего выраженія,) онъ кое какъ къ свѣту дотащился домой. Горячая печь не могла согрѣть его. Жестокая лихорадка излила на него весь ядъ свой. День отъ дня силы

больнаго истощались и наконецъ — неизбѣжная смерть ежеминутно грозила ему. Исполнивъ долгъ вѣры, онъ призвалъ своихъ внуковъ и давши имъ послѣднее наставленіе, угасъ невозвратно.

Горесть водворилась въ сердцахъ супруговъ и исторгало безпрестанныя слезы изъ опухшихъ очей. Марія цѣлыя ночи проводила въ молитвахъ объ усопшемъ покровителѣ своемъ, который въ дни дѣтства столько забавлялъ ее. Андрей, также убитый тоскою, не переставалъ возсылать обѣты и моленія къ Престолу Вышняго. Чтобъ сколь-

ко нибудь разсѣять грусть свою, онъ наконецъ опять принялся за охоту.

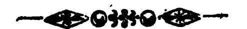
Не прошло еще и года, какъ молодой охотникъ уже снова успѣлъ прославиться разбогатѣвшимъ. — Это поощрило его къ дальнѣйшимъ трудамъ; сутокъ по двое и даже по трое не бывалъ онъ дома, при всей своей приверженности къ нѣжной супругѣ. Каждый разъ, когда приходилъ къ ней, получалъ легкіе выговоры, которые принималъ онъ за знаки горячей любви. Она могла бы наговорить ему тьму тягчайшихъ упрековъ, но не хотѣла слиш-

комъ огорчить его, а можетъ быть, не считала этаго необходимымъ. Мало ли есть причинъ, которые удерживаютъ молодыхъ женъ отъ подобныхъ претензій, надобно быть самому мужемъ, чтобъ испытать это въ полной мѣрѣ. Не наше дѣло входить въ столь неудобо понятныя разбирательства. Намъ любопытно только знать: что дѣлалъ Андрей, когда слыхалъ такія непріятности? — Онъ старался всегда какъ можно скорѣе смягчить ихъ и предупредить каждому желанію жены часа за два или болѣе. — Тогда она постепенно становилась благосклон-

нѣе, тише, любезнѣе, мягче: тотчасъ подавала ему руку и зѳирными своими губками трепетно касалась его выразительнаго чела. Но все это ничто въ сравненіи съ грознымъ будущимъ. Однажды онъ не являлся долѣе обыкновеннаго. Это уже было слишкомъ несносно для жены недавней. Все же это время было чрезвычайно дождливое; слѣдовательно можно было заключать объ немъ съ различныхъ точесъ зрѣнія. Но сколько ни наводилъ Андрей грусти долговременнымъ, отсудствіемъ рѣшено однакожъ было ждать еще нѣсколько сутокъ и потомъ уже пуститься въ розыски.

Когда протекли дни ожиданія, то Марья, взявши путевой запасъ, отправилась по той дорогѣ, куда провожала Андрея. Зашедши въ густой лѣсъ, она едва могла укрыться отъ алчности звѣрей. Сіе заставило ее думать объ Андреѣ, какъ о погибшемъ въ семъ лѣсу. Долго занимала ее сія горестная мысль; однакожъ наконецъ, преодолѣвши всѣ сомнѣнія, рѣшилась идти далѣе. „Гдѣ же былъ Андрей?" Спросилъ я дѣдушку.

— Вотъ увидишь! . . . Отвѣчалъ онъ и кивнувши головой, продолжалъ.



V.

Скитаясь по полямъ и рощамъ, Андрей зашелъ наконецъ въ такое мѣсто, откуда цѣлый день не могъ выбраться. При наступленіи ночи ужасъ объялъ его, шумъ деревъ, постепенно стихавшій, наводилъ на него самыя мрачныя думы, вой волковъ, цѣлыми стаями рискавшихъ не въ далекомъ отъ него разстояніи, заставлялъ его почасту содрагаться: ибо, кромѣ одного ружья и двухъ невѣрныхъ мускатоновъ, у него ничего не было. Хрупкій листъ, внезапно надавленный ногою, вынуждалъ его брать-

ся за ружье; а наконецъ напалъ онъ на шайку волковъ, состоявшую изъ небольшаго числа. Едва успѣвалъ онъ заряжать, съ остервенѣніемъ бросались на него алчные хищники и въ бѣшенствѣ зіяли широкими пастьми, какъ бы стремясь тотчасъ проглотить стрѣлка.

Уже Андрей совершенно ослабѣлъ; послѣдній изъ звѣрей, сунувшись къ нему прямо на горло, охватилъ его жадными лапами; уже смерть носилась надъ головою его; но смѣлый охотникъ, собравши остатки силъ, выхватилъ изъ запоиса небольшой ножъ

(который при немъ былъ для колотія зайцевъ,) махнулъ по тощему брюху неукротимаго животнаго. — побѣда увѣнчала смѣлость и проворство. Освободившись отъ сей опасности, Андрей бѣжалъ, какъ безумный, куда влекли ноги. Не считая дальности разстоянія, не смотря на окресность, грозившую ему безпрестанно, онъ увидалъ наконецъ вдали огонь, весьма слабо падовшій на зрѣніе. Обрадованный столь нечаянной находкою, онъ живо достигъ до деревни, изъ которой произтекалъ свѣтъ. Долго просился ночевать, ходя отъ двора ко двору; но никто не пу-

спилъ его. Наконецъ въ самой крайней хижинѣ онъ получилъ желанный ночлегъ.

Миръ добрымъ! людямъ произнесъ онъ, входя въ небольшую, но опряшную комнату.

Спасибо молодецъ! Отвѣчалъ привѣтливый голосъ.

Два крестьянскихъ мальчика скромно сидѣли за дубовымъ столомъ и читали поспѣшно азбуку. Старикъ, занимавшій боковое мѣсто, поправлялъ ихъ ошибки, приголубливая то того, то другаго.

Окладистая борода его серебрилась лучами ночника и отбрасывала широкую тѣнь на промежность маленькихъ оконъ, обтянутыхъ пузыремъ. Благородная его физіогномія выказывала черты великой души; не совсѣмъ еще впалыя щеки облечены были свѣжестью, говорившею въ пользу умѣренной жизни; возвышенный лобъ его, откатываясь нѣсколько назадъ и представляя какъ бы отрѣзокъ искуснаго глобуса, ручался за высокой умъ его и рисовалъ въ глазахъ зрителя самую величественоую картину. Невольное почтеніе почувствовалъ Андрей, когда взглянулъ на сѣдины стран-

пустынника. Стоявшій въ углѣ шкапъ съ книгами, еще болѣе подавалъ думать объ умѣ хозяина.

Ты, я думаю, усталъ, другъ мой! замѣтилъ старикъ, обращаясь къ Андрею: снимай-ка все съ себя поскорѣй, да садись. — Надобно отдохнуть послѣ трудовъ. Ты вѣрно издалека забрелъ сюда.

— Да, — издалека, любезный дѣдушка!

Ха, ха, ха! — Любезный!.... Какъ скоро!... Ну, что, милый мой внучекъ, какова охота-то?

Вѣдь не даромъ говорятъ, что она пуще неволи.

— Правда твоя, добрый хозяинъ. Чемъ же инымъ хлѣбъ достать намъ глупымъ, какъ не охотой: я же къ ней привыкъ, такъ что и отстать трудно.

Да, да! А есть ли у тебя жена?

— Есть, батюшка, слава Богу!

И ты ее любишь?

— Какъ же не любить? — Я на нее не нарадуюсь; она у меня

такая добрая, хорошая, ласковая; а какъ любитъ меня, — такъ мало найдешь такихъ женъ.

Э, э, э! — Да какъ ты, братъ, величаешь свою любезную женушку-то — Это хоть бы и не ей, такъ въ пору!...

— Какъ же не величать ее, когда она того стоитъ? Небось, теперь убивается съ горя, что такъ долго не видитъ меня.

Полно, другъ мой! — Она рада смертельно, что проводила тебя со двора домой; а ты объ ней

так заботишься. Сказать ли тебѣ, съ кѣмъ она теперь пируетъ? Съ троюроднымъ своимъ братомъ.

Андрей остолбенѣлъ отъ изумленія. Сомнѣніе заступило мѣсто увѣренности, которую доселѣ питалъ онъ къ женѣ своей. Сердце закипѣло: но онъ скрѣпился, далъ волю размышленію и тѣмъ остановилъ на нѣсколько минутъ непріятный для себя разговоръ.

Проницательный старикъ, замѣтивъ смущеніе своего гостя, не рѣшился болѣе тревожить его душу; а потому весьма скоро пред-

ложилъ ужинъ. Андрей съ своей стороны отдалъ часть дичины, которую хозяинъ хижины тотчасъ изготовилъ для кушанья, не заставивши долго дожидаться жаренага. Отмѣнный вкусъ его извлекъ у Андрея удивленіе поваренному искуству старца.

Что за чудакъ этотъ человѣкъ? думалъ онъ: живетъ одинъ, и варитъ и жаритъ для себя самъ, — да еще такъ хорошо, что и Маша моя изготовитъ ли такъ? Мудреная вещь! Да у него же и книгъ такъ много, что и подумать объ немъ ужасъ беретъ. . . Ужъ не кол-

дунъ ли онъ? Право такъ: почему же ему знать троюроднаго брата Маши и ее самою?.. Волосъ дыбомъ становится!

Ужинъ кончился. Мнимый волшебникъ, выслушалъ усердное благодареніе Андрея съ важнымъ видомъ: ибо понялъ всю душу охотника. Закинувъ столь хитро сѣти искушенія, старикъ не упустилъ изъ вида ничего, чѣмъ бы только можно было воспользоваться при семъ благопріятнымъ случаѣ на щетъ Андрея. Услышавъ однакожъ отъ сего послѣдняго разсказъ о дракѣ съ волками, принужденъ былъ заключить и о смѣлости его. —

„А, такого-то мнѣ и нужно!“ думалъ онъ: „Только остается испытать его; а потомъ смѣло можно препоручить комиссію: съ его расторопностію, кажется, возможно что нибудь разыграть очень удачно.“ Съ симъ словомъ онъ снова приступилъ къ Андрею. —

Такъ ты, добрый молодецъ, думаешь объ женѣ своей такъ какъ объ вѣрной? Хочешь ли видѣть — какъ она невѣрна?

— Я даю голову на отсѣченіе, если она такова.

Эй, любезный! не горячись такъ скоро: будешь каяться, да опоз-

даешь. Лучше испытай и тогда, — коли я неправду говорю, — ты воленъ надо мной дѣлать что хочешь.

— Если такъ, то я спасибо сказалъ бы тебѣ за такой секретъ. Ужъ я надѣюсь, что Маша моя неизмѣнное копье.

Ладно! — Вотъ возьми этотъ сыромятный ремень, да вотъ эту свирѣль.

— Что же мнѣ съ ними дѣлать?

Слушай, когда ты придешь домой, то Маша твоя будетъ проситься на праздникъ къ дядѣ своему, коего ты знаешь. Надобно будетъ отпустить ее, самому же отнюдь не ѣхать вмѣстѣ, а послѣ — такъ въ назирку, издалека.

— Для чегожъ это?

Не перебивай моихъ рѣчей. — Какъ пріѣдешь въ деревню, то остановись у кого нибудь изъ незнакомыхъ, какъ будто проѣзжій человѣкъ; не много погодя и отправляйся къ роднѣ. Тамъ пройди какъ можно осторожнѣе, чтобы никто

тебя не увидалъ, прямо на погребицу и дожидайся... Лишь завидишь что нибудь непріятное, тотчасъ на ремнѣ вяжи узелъ, а послѣ можешь идти въ городъ. Къ чему служитъ свѣрѣль, обстоятельства покажутъ; только смотри въ оба — не зѣвай. Чрезъ это ты будешь щастливъ. Послѣднее же прибавлю вотъ что ты долженъ развязать ремень, когда будетъ нужно.

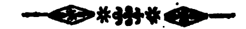
— Для чего же это все?

Для того, чтобы узнать вѣрность твоей Маши и проч.

Почти всю ночь Андрей не могъ сомкнуть глазъ. — Мысль о невѣрности жены безпокоила его чрезвычайно долго.

Экую околесную нагородилъ онъ мнѣ, безмозглая его голова! Да какъ это можно, чтобъ Маша мнѣ измѣнила? Дуракъ онъ, — больше ничего... Вздумалъ же, старая собака, морочить нашего брата: вишь какія выдумалъ штуки — да этаго самой водяной, — и тотъ не наскажетъ. Не даромъ у него книги-то въ заднемъ углѣ: видно, онъ чернокнижникъ какой нибудь, такъ и обманываетъ насъ дура-

ковъ, — а мы рты-то и разѣваемъ. Да нѣтъ — нашего брата не скоро надуешъ: тутъ сами съ усами — накуримъ сами десять человѣкъ.



VI.

Читатели! Я увѣренъ, что снизходительность ваша позволитъ и мнѣ что нибудь сказать въ свою очередь. Найдете ли вы въ цѣломъ мірѣ хоть одно существо, которое бы въ молодости имѣло духъ совершенно твердый и основательный? Конечно, есть примѣры, но они слишкомъ зыбки, слишкомъ ненадежны: потому, что сущность ихъ не такова, какою находятъ наружность. На поприщѣ рѣзвой юности столько же мечты и не сбыточныхъ надеждъ, сколько постоянства на сценѣ благоразум-

ной возмужалости. Уныло смотритъ дитя на изнемогающаго бѣдняка подъ бременемъ тяжкой скорби, равнодушно глядитъ на умирающаго ближняго, хохочетъ неопытная молодость надъ гримасами ума лишенныхъ, — пожилой сострадаетъ имъ. Но, если возьмемъ въ расчетъ случаи обоюдные, гдѣ требуется острота вкуса; гдѣ имѣетъ мѣсто борзое соображеніе и живая фантазія; гдѣ исключительно отважная рѣшительность разыгрываетъ роли на переборъ одну за другой: тамъ не хотя призадумается и самый опытный актеръ! — Скажите же те-

перь каково должно быть положеніе Андрея, при столь необозримомъ стеченіи обстоятельствъ? Не имѣлъ ли онъ полнаго права остановиться на пунктѣ сомнительномъ? Нѣтъ; вы скажете: Рецензія ваша будетъ справедлива. Но не забудьте и того, — какимъ образомъ онъ долженъ былъ въ такомъ случаѣ рѣшить свои чувствованія? Конечно, это трудно опредѣлить: не лучше ли спросить объ этомъ дѣдушку? Вѣроятно, онъ разскажетъ намъ.

Вишь, какой лакомка! Будетъ съ тебя и одного! произнесла

Марья, когда Андрей просилъ другаго поцѣлуя.

— Да, за чтожъ ты разсердилась на меня, душа моя ?

Какъ же на тебя не сердится ? Развѣ такъ-то любятъ своихъ женъ добрые мужья ? Четверо сутокъ и глазъ не показывалъ.

— Маша ! Да виноватъ ли я, что заблудился ? А какія еще страсти-то видѣлъ, такъ у тебя волосъ дыбомъ станетъ ; вѣдь меня совсѣмъ было заѣли волки проклятые. — Ну, вотъ такъ за

горло и хватаютъ, такъ и хватаютъ! Насилу кой какъ ужъ я отбился отъ нихъ: которыхъ перестрѣлялъ, а которыхъ перерѣзалъ. Такъ-то Маша!

А я тутъ объ тебѣ все плакала, такъ что индо глаза со слезъ опухли!

— Ты плакала, другъ мой! небось, теперь я, слава Богу, помилости Создателя живъ и здоровъ.

Какой супругъ въ состояніи противиться нѣжнымъ капризамъ обольстительной подруги? Развѣ

тотъ только, кто имѣетъ каменное сердце. Но Андрей, отъ природы пылкій, страстный, могъ ли противиться увѣреніямъ Маши, съ самаго еще дѣтства любившей его до безумія? Это было бы слишкомъ не натурально! Къ тому же присовокупила она милый взглядъ карьихъ очей, неземную улыбку особенно — чувствительное пожатіе руки, самую наконецъ грусть умѣла такъ искусно выразить, что, по выраженію славнаго Орфея, могла бы дерево тронуть.

Животворные лучи священнаго Иліоса проникали сквозь тѣсныя

окна прохладной хаты; домашній мотылекъ рѣзвился по стеклу съ маленькой подругой; черный большой таракань, перебивая дорогу у мѣлкихъ собратій, спѣшилъ укрыться въ темную щель отъ взоровъ дня несноснаго для его очерненной совѣсти; — что-то таинственное изображалось на его угрюмомъ челѣ и приводило въ трепетъ бѣшеныхъ зрителей его поползновенія — трусливыхъ мухъ! Прозорливая кошка уже навела на него мѣткую свою лапу и готова была однимъ ударомъ свернуть ему беззаконную голову; но лишь взмахнулась — и осмотрительный ме-

ланхоликъ сунулся въ нору. Тщетно дожидалась она другаго подобнаго путника: быть можетъ, они давно уже сговорились о избѣжаніи угрожающей опасности и бѣдная ловчая съ досадою возвратилась въ свое мѣсто. Искусный деревенскій Архитекторъ — неутомимый паукъ, раскинулъ тонкія сѣти и съ жадностію хваталъ добычу. Словомъ все принялось за свои роли. Одна лишь Марья съ притупленнымъ вниманіемъ смотрѣла на безконечно - разнообразный театръ природы! Одна лишь она дѣйствовала, такъ сказать, страдательнымъ образомъ. Самый зна-

токъ — Натуралистъ едвали бы что нибудь замѣтилъ въ ней съ надлежащей точьки зрѣнія. Все, чѣмъ только могла она прельщать, что могла произвесть предпріимчиваго, въ чемъ выражалась ея важность и простота, — все было скрыто въ душѣ ея, оттѣнявшейся самымъ непримѣтнымъ образомъ въ невольномъ взглядѣ ея на согласную чету веселящихся мошекъ.

Маша! не пора ли намъ обѣдать? Давно ужъ всѣ идутъ съ поля; собирай поскорѣй; поѣдимъ, да и къ сторонѣ. Небось, вѣдь и ты хо-

чешь ѣсть-то; а я такъ въ эти дни-то мало кое что пропускалъ въ горло; произнесъ Андрей, подходя къ супругѣ.

Тотчасъ сѣли за столъ. Мать Марьи первая заговорила о праздникѣ, на которомъ ей хотѣлось быть непремѣнно. Марья съ своей стороны предложила Андрею ѣхать туда-же. Тутъ вспомнилъ онъ о словахъ старика. Восхищенный встрѣчею жены, онъ разсердился на ремень и свирѣль, полученные отъ волшебника; но теперь пожалѣлъ о несправедливости сего мнѣнія. Посему твердо рѣшился испытать

все чего только можно было надѣяться по словамъ старика отъ талисмановъ. Ссылаясь на головную боль отъ четырехъ-суточнаго вояжа, онъ отказался ѣхать съ Марьею и тещею.

Вскорѣ послѣ обѣда онѣ отправились вдвоемъ; а онъ самъ, самъ осѣдлавъ верховую лошадь, чрезъ нѣсколько минутъ поскакалъ заними въ слѣдъ. Давши довольно времени въѣхать въ деревню женѣ, онъ свободно добрался до постоялаго двора, гдѣ оставивъ свою лошадь, пошелъ къ родственникамъ и никѣмъ не будучи замѣченъ, во-

шелъ на погребицу. Засѣвши, въ темный уголъ, рѣшился, во чтобы то ни стало, ожидать какихъ нибудь явленій. Шумъ пирующихъ гостей быстро вылеталъ изъ тѣсной избы и разносился по двору; достигая до чудкаго слуха Андрея, новыя порождалъ въ немъ мечты, въ которыхъ онъ наконецъ задремалъ.

Маша это ты? Раздался вдругъ подлѣ двери которая немѣдленно растворилась и радостный отвѣтъ я прервался поцѣлуемъ. — Губы чокнули и принялись повторять свое дѣйствіе. Пробужденный Ан-

дрей взглянулъ на сію сцену и сердце его закипѣло мщеніемъ. Онъ выхватилъ изъ за пазухи ремень, завязалъ узелъ и губы любовниковъ срослись. . . .

А! сказалъ онъ себѣ: старикъ то любезный человѣкъ — необманулъ онъ меня.

Марья хотѣла оторваться отъ своего возлюбленнаго, но не могла, она, можетъ быть, и не скоро бы вздумала объ этомъ; но побудительною къ тому причиною было то, что она послана была въ погребъ за пивомъ. Со страха выро-

нила она изъ руки кувшинъ и разбила ого въ дребезги. Между тѣмъ гостямъ нужно было пиво, но Марья еще не приходила. Пождавши ее довольно долго, мать вышла за ней на погребъ и какое же вдругъ явленіе!..... Сростшіеся упали предъ нею на колѣни и привели ее въ чувство сострадания. Расказавши нѣкоторымъ изъ ближайшихъ родственниковъ о семъ происшествіи, они тотчасъ бросились къ сельскому колдуну, который славился по цѣлому околодку своимъ искусствомъ.

Болѣе десяти избъ обошли они для того, чтобъ отыскать его

(извѣстно, что таковыхъ людей въ простонародіи уважаютъ;) наконецъ нашла къ своему удовольствію. Падши на колѣни, всячески начали его упрашивать, чтобъ онъ посѣтилъ ея родственниковъ, имѣющихъ крайнюю въ немъ нужду. Ломавшись передъ нею болѣе получаса, послѣ многократныхъ наконецъ прозьбъ и самыхъ убѣдительныхъ онъ двинулся съ мѣста приговаривая различныя бредни, свойственныя каждому изъ колдуновъ.

Ага! — Нужда за нуждой.... Тото бы давно поклониться нашей

почетной бородѣ. Анъ, глядишь смотришь, не то бы было. Что токое у васъ въ домѣ неблагополучное, — я ли не знаю, я ли не помогу? — пробормашалъ волхвъ вступая въ избу.

Каждый изъ гостей старался изъявить свое удовольствіе; каждому лестно было сказать съ нимъ хоть одно слово. Посадивши въ переднiй уголъ, хозяинъ принялся за угощеніе и при каждой чаркѣ вина огромная ватага пьяныхъ посѣтителей отвѣшивала общій поклонъ дорогому гостю. Разглаживая усы и потомъ погружая

ихъ въ густую брагу, онъ изрѣдка удостоивалъ кое кого взглядомъ. Наконецъ всталъ и отправился въ извѣстное мѣсто для освобожденія любовниковъ отъ бремени цѣлованія.

Прежде, нежели приступилъ онъ къ разсоединенію ихъ, отмѣрилъ во кругъ себя по нѣскольку шаговъ, обернулся, кругомъ вездѣ дулъ и плевалъ, потомъ прошепталъ нѣсколько заклинаній. По совершеніи таковыхъ обрядовъ онъ съ важностію протянулъ свою руку къ губамъ страдальцевъ; но лишь едва успѣлъ коснуться до

нихъ какъ Андрей, съ нетерпѣніемъ смотрѣвшій на эту сцену, поспѣшно завязалъ на ремнѣ узелъ и магикъ приросъ съ своей волшебной рукой.

Нашла коса на камень! Замѣтилъ кто-то изъ окружавшихъ: ужъ и этотъ у насъ дока, а который дѣло-то сдѣлалъ, вѣрно еще башковатѣе.

Ахъ, мои матушки! кричали женщины, сплеснувши руками: ну, что ты теперь прикажешь дѣлать? Бѣда, да и только!

Долго совѣтовались: какимъ образомъ поступить въ столь кри-

тическихъ обстоятельствахъ; наконецъ рѣшили всѣ, чтобы ѣхать за другимъ колдуномъ. Тотчасъ отправили посла, а сросшихся оставили на дворѣ, покрывши ихъ отъ холода и стыда соломою.

Когда всѣ ушли, то Андрей, освободившись изъ своей засады, прямо поспѣшилъ къ дворнику, у котораго оставилъ лошадь. Въ нѣсколько минутъ онъ успѣлъ очутиться въ избѣ родственниковъ.

Ахъ, Андрюшенька, голубчикъ [illegible] нашъ! Ты, я чаю, озябъ, выпейка съ дорожки-то рюмочьку,

другую, такъ скорѣе согрѣешся. раздалось общее привѣтствіе.

Болѣе же всѣхъ старалась угодить ему мать Марьи, которая то тѣмъ, то сѣмъ его подчивала. Какъ ни проста деревня, а въ случаѣ необходимости также почти закидываетъ сѣти обольщенія, какъ и не послѣдній горожанинъ. Но нетаковъ настоящій случай, чтобъ обмануть Андрея. Онъ твердо рѣшился помнить слова старика. Самый духъ, который повиновался ремню, не отвлекъ бы его отъ намѣренія.

Вспомнивши что у него ружье заряжено, онъ захотѣлъ выспрѣ-

лить и тѣмъ возмутить цѣлую толпу пьянствующихъ.

Матушка! Мнѣ нужно сдѣлать выстрѣлъ.

Съ симъ словомъ вышелъ на дворъ и прицѣлился прямо въ солому, подъ которой лежали трое собесѣдниковъ.

Андрюша, батюшка! сдѣлай милость — не стрѣляй туда: ты сдѣлаешь пожаръ.... Произнесла мать останавливая его руку.

Не бойтесь оно забито шерстью; а отъ нея не загорится;

отвѣчалъ Андрей и тотъ же часъ ухватился за курокъ.

Увидавши, что не возможно ему воспрепятствовать, обступили его со всѣхъ сторонъ и мать принуждена была признаться въ преступленіи дочери. На лицѣ его изобразился ужасъ и смущеніе, когда объявили ему о пасажахъ жены. Такъ умѣлъ онъ выказаться передъ виновными и тѣмъ заставилъ ихъ нѣсколько ободриться. Лучь слабой надежды блеснулъ въ душѣ ихъ; всѣ принялись благодарить Андрея за снисходительность и состраданіе. Уже приближалась

ночь, но волхвъ еще не пріѣзжалъ; въ ожиданіи его хозяева легли наконецъ спать, а ближніе гости разошлись по домамъ.

По утру довольно рано пріѣхалъ старѣйшій изъ волшебниковъ и послѣ обыкновенныхъ угощеній и низкихъ поклоновъ, приступилъ къ развязкѣ. Но смѣтливый Андрей завязалъ узелъ и гордившійся дотолѣ колдунъ — получилъ равную съ прежднимъ участь. Это былъ, по мнѣнію всѣхъ, повелитель духовъ и слѣдственно призывать послѣ него болѣе было не кого. Одинъ страхъ и оцѣпенѣніе водворились

въ сердцахъ напуганныхъ зрипелей и вся ихъ надежда къ поправленію обспюяпельспвъ изчезла. Постращавши ихъ довольно, Андрей въ свою очередь вздумалъ нѣсколько показашь себя могучимъ въ глазахъ изсшупленія.

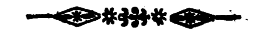
Приведише ихъ сюда! Сказалъ онъ, вошедши въ избу: шеперь мой чередъ ихъ освободишь ошъ напасши.

Немѣдленно приказаніе его было исполнено. Опвернувшись въ уголъ и прошепшавши кое что шаииспвеннымъ шономъ, Андрей

вынулъ сыромятный ремень, развязалъ узлы и четверо сросшихся получили свободу. Всѣ бросились къ ногамъ его съ благодарностію; но онъ остановилъ ихъ и приказалъ каждому сѣсть въ свое мѣсто. Подошедъ съ видомъ огорченнаго мужа къ преступной Марьѣ, онъ взялъ ее за руку и произнесъ:

Я тебя считалъ вѣрною женою, но ты обманула меня; Судья Праведный наказалъ тебя: теперь ты свободна, теперь смѣло можешь дарить поцѣлуями. . . . Неудивляйся мнѣ: я вѣренъ въ словѣ; — ты не будешь болѣе встрѣчать меня,

я не приду къ тебѣ съ дичиной. . . . Прощай навсегда, забудь меня, выпроси позволенія выдти замужъ за твоего любовника: онъ тебѣ милъ; ты будешь съ нимъ щастлива болѣе, нежели со мной. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать тебѣ! прощай.



VII.

Не думавши ни мало, Андрей пошелъ въ отдаленный городъ, куда добрался благополучно. У самой еще заставы встрѣтился съ нимъ, житель этаго города и послѣ короткихъ переговоровъ, нанялъ его къ себѣ въ прикащики. А что это былъ за человѣкъ, который такъ скоро расположилъ себя къ Андрею? Это былъ богатый купецъ, которому нашъ путешественникъ понравился съ перваго взляда. Полная довѣренность хозяина увѣнчала труды и усердіе Андрея. Но онъ живо почувствовалъ одиночество —

и первою его мыслію было то, чтобы сколько можно стараться избѣжать такого образа жизни, который не достаточенъ для пылкой молодости. При этомъ всемъ возродилась въ немъ какая-то гордость: ибо онъ одѣвался уже совсѣмъ иначе. — Малиновая сибирка облегала его ловкій станъ и на прежній свой армякъ онъ и смотрѣть не хотѣлъ. Что же касается до его образованія, то едвали бы кто также узналъ его: и подходилъ и отходилъ, и разговаривалъ и переговарилъ онъ гораздо лучше прежняго. Очевидно теперь, что онъ и не думалъ обо-

жать какую нибудь красавицу деревенскую, или близко къ ней подходящую. Ему нравились однѣ горожанки, и тѣ еще не изъ послѣднихъ.

Увлеченный мечтательностію, Андрей день ото дня старался выказаться щеголеватѣе и милѣе. Ввечеру, когда онъ свободенъ былъ отъ дѣлъ торговли, прохаживался нѣсколько разъ мимо лучшихъ домовъ въ городѣ. Величественная поступь изъ подъ-пышной одѣжды, ослѣпляла глаза горничныхъ, а набитый карманъ звучащими монетами еще болѣе пробуждалъ ихъ

вниманіе; каждая на перерывъ, бросала на него покорный взглядъ и дарила лучшими амурными минами. Но не шакъ былъ внимашеленъ Андрей къ прелесшямъ одной съ нимъ породы. Онъ замѣшилъ нѣчшо благопріяшсшвующее гораздо въ высшемъ кругѣ. Ни одна прогулка его не проходила еще безъ примѣшнаго сочувсшвія одной сироты, дочери бывшей владѣшельной особы города. Красивое, выразишельное ошъ природы, лице Андрея и маленькая гордосшь, соединенная съ проницашельнымъ взоромъ, производили всегда особенный еффекшъ на душу Милосвѣшы (имя сироты.)

Ослѣпительная бѣлизна зубовъ ея, обнаруживаясь при раскрытіи розовыхъ губъ, и черныя, какъ смоль, брови придавали каждой улыбкѣ ея высокую цѣну и въ одинъ мигъ зажгли сердце Андрея. Не воображая о томъ, — на какую особу простерлась дерзость любви, онъ старался лишь приводить въ исполненіе свои мечты самымъ короткимъ путемъ.

Милосвѣта любопытная, какъ и всѣ вообще красавицы, захотѣла узнать Андрея вполнѣ. Избравши для сего поздній вечеръ, она выслала свою Назору (горничную),

къ изумившемуся Андрею. Но любопытство ея было тщетно: Андрей безъ всякаго вниманія выслушалъ вопросы и ничего не отвѣчая, ушелъ. Представьте себѣ положеніе Назоры: ей должно было съ досадою воротиться назадъ и не принести ни какого извѣстія объ Андреѣ.

Съ тѣхъ поръ Милосвѣта начала думать объ немъ какъ о человѣкѣ таинственномъ, котораго трудно распознать въ полномъ значеніи тайны. Но чѣмъ болѣе скрывается отъ насъ предметъ, тѣмъ болѣе воспламеняетъ желаніе

познакомиться съ нимъ, этаго-то желала и Миловѣта; но при всѣхъ способахъ, на то употребленныхъ, осталась все еще въ неизвѣстности. Не отставая однакожъ отъ своего намѣренія, она положилась на время и отъ него ожидала развязки.

Въ одну ночь подъ окномъ своей спальни услыхала тихую мелодію какого-то инструмента, сладостно льющуюся въ душу. Прислушиваясь долѣе и долѣе, она наконецъ приведена была въ восторгъ неподражаемою трелью искуснаго игрока. Любопытствуя знать его, она

тотчасъ выслала свою придверницу и приказала его удержать до тѣхъ поръ, пока соберется выдти сама. Но Андрей (ибо это былъ онъ,) едва лишь только услышалъ скрипъ двери, скрылся за содовую калитку, далѣе которой служанка идти побоялась. Снова принялся играть онъ на своей волшебной свирѣли и продолжалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ опять не вышли подсмотрѣть его. Но и опять не могли замѣтить.

Настала другая ночь и тѣже звуки были слышны подъ окномъ. Болѣе, нежели прежде, они восхи-

тили Милосвѣту и съ большею силою подстрѣкали ея любопытство, которое также осталось тщетнымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она третьей ночи; дождалась — и около двухъ часовъ наслаждалась пріятною гармоніею. Написавши записку, она бросила ее въ окно, замѣтивъ притомъ лице Андрея. Вотъ содержаніе рукописи.

Любезный незнакомецъ!

Ты заслужилъ благодарность слушательницы твоей очаровательной игрой и вынудилъ написать къ тебѣ сіи строки. Если ты хочешь

быть столько счастливъ, чтобъ получить руку той, къ которой замѣчена твоя склонность; то долженъ ты исполнить ея приказаніе. По завѣщанію отца она не должна выходить за мужъ прежде, нежели сыщется такой женихъ, который можетъ цѣлый годъ пасти стадо зайцевъ, не упустивъ изъ нихъ ни одного, и наполнишь три мѣшка правдою. Если же ты все безъ ропота и исправнымъ образомъ выполнишь, тогда съ удовольствіемъ облобызаетъ тебя.

Милосвѣта.

Подхватившии съ жаромъ записку, Андрей бросился бѣжать домой и прочитавши оную, тотчасъ написалъ отвѣтъ, которымъ изъявилъ свое согласіе на предложеніе. Въ туже ночь подалъ оную въ окно и удалился снова на квартиру. Тамъ предался размышленію, много думалъ и передумывалъ о исполненіи непостижимаго приказанія и въ сихъ мечтахъ заснулъ.

Уже солнце лучами своими начало проникать въ комнату Андрея и прямо ударяло ему въ глаза,— онъ проснулся и вспомнивъ о данномъ обѣщаніи, съ горестію от-

отправился въ домъ Милосвѣты. Сто зайцевъ были готовы и три мѣшка лежали на вратахъ звѣринца. Немѣдленно выпустилъ онъ робкихъ животныхъ и въ мигъ неспало ни одно изъ освобожденныхъ плѣнниковъ. Взявъ мѣшки, Андрей въ задумчивости пошелъ отъ звѣринца, не постигая — какимъ образомъ собрать разбѣжавшихся. Со слезами на глазахъ присѣлъ онъ на камень, лежавшій не подалеку отъ воротъ и вынулъ свою свирѣль, вздумалъ нѣсколько усладить грусть своею любимою пѣснію. Но не успѣлъ окончить и одного куплета, какъ сто зайцевъ живо

собрались въ стадо и каждый начиналъ танцовать мазурку.

А! сказалъ онъ тогда самъ себѣ: вотъ для чего служитъ моя свирѣль! Теперь смѣло идемъ стерегти хоть цѣлый милліонъ зайцевъ.

Съ симъ словомъ принялся играть опять и зайцы, танцуя, побѣжали за нимъ въ назначенный для пастьбы лѣсъ.

Вмѣстѣ съ пастушескими занятіями Андрей не оставлялъ и прежней своей охоты. Каждый день настрѣливалъ себѣ дичи и

свѣжее кушанье услаждало его вкусъ. Такъ прошло одиннадцать мѣсяцевъ; зайцы были цѣлы и ему оставалось только желать, чтобы какъ можно скорѣе протекъ и послѣдній мѣсяцъ. Между тѣмъ Милосвѣта вздумала испытать Андрея. Въ одинъ день, когда проливной дождь гналъ каждаго пастуха въ шалашъ, пріѣхала она въ тотъ лѣсъ, гдѣ паслись зайцы. Андрей сидѣлъ подъ вѣтвистымъ дубомъ на высокомъ пнѣ и наигрывалъ на свирѣли... Поровнявшись съ нимъ, Милосвѣта вылезла изъ коляски и спросила: не продажныя ли у него зайцы?

Нѣтъ-съ, не продажные, сударыня, а завѣтные.

— А въ чемъ состоитъ твой завѣтъ?

Разрѣзать на обѣихъ ногахъ по большому пальцу.

— Послушай, душа моя! сказала Милосвѣта своей Назорѣ, отведши ее въ сторону: вѣдь лучше я сдѣлаю, ежели дамъ разрѣзать два пальца, нежели выду за него; я примѣчаю въ немъ человѣка низкаго произхожденія.

Конечно, сударыня! — ноги можно залѣчишь; а ужъ эшаго пяшна вѣкъ не залѣчишь. Соглашайшесь.

Немедлѣнно Милосвѣша согласилась на предложеніе Андрея, кошорый, вырѣзавши на обоихъ пальцахъ по шреугольнику, далъ ей зайца и сѣлъ обрашно на пенекъ. Уже довольно далеко ошъѣхала Милосвѣша, держа въ рукахъ свою покупку, какъ Андрей заигралъ на свирѣли и заяцъ, вырвавшись изъ рукъ красавицы, поскакалъ въ стадо. Досада и сожалѣніе заставили Милосвѣшу вороши́шься назадъ и шребовашь бѣглаго своего зайца.

Извольте, сударыня, выбирать вашего; только моего ни одного не отдамъ; — отвѣчалъ Андрей.

Сколько не всматривалась она въ своего, но не могла выбрать. Рѣшившись освободиться отъ замужства, она наконецъ приказала своей Назорѣ заплатить подобную дань. — Взятъ заяцъ — и коляска задребезжала. Но, услышавши игру своего пастуха, и сей заяцъ вырвался подобно первому. Наконецъ дошла очередь до стоявшаго сзади лакея, но и съ симъ поступлено также.

Такъ путешественники наши, ничего не получивши, возвратились

домой съ досадою въ сердцѣ, съ болью въ ногахъ. Между шѣмъ прошелъ и остальной мѣсяцъ и Андрей — погналъ свое стадо въ городъ.

Первая мысль Милосвѣшы, при встрѣчѣ жениха, была — перещипашь зайцевъ и если не окажешся надлежащаго количесшва оныхъ отказашься отъ замужсшва за неисполненіе приказаній. Множесшво родсшвенниковъ Милосвѣшы съѣхалось смошрѣшь и слышашь невиданныя и неслыханныя чудеса Андрея. Въ присудсшвіи всѣхъ прекрасная невѣсша повѣрила число зай-

цевъ и нашла его полнымъ. Теперь одно только осталось къ довершенію благополучія Андрея — *накласть три мѣшка правды.*

Съ важностію взошелъ онъ на возвышенное мѣсто; приготовленное нарочно для сего случая въ залѣ родственнаго собранія, снялъ съ плеча мѣшокъ и развязавши отверстіе онаго, заставилъ держать его тремъ слугамъ.

Говорите за мной! произнесъ онъ потомъ.

Слышимъ! Отвѣчала толпа — и Андрей началъ.

Пасъ я зайцевъ.

Всѣ :

Пасъ ты зайцевъ.

Надрѣзалъ на ногахъ у Милосвѣты по пальцу.

Всѣ :

— Надрѣзалъ ты у Милосвѣты на ногахъ по пальцу.

Правда ли ?

Правда ! Произнесъ неизвѣстный голосъ. Всѣ обратились въ ту сто-

рону, откуда неслось эхо, но никого не могли примѣтить.

Правда! отвѣчала смутившаяся Милосвѣта.

Ну, этотъ мѣшокъ завязывайте, кладите къ сторонѣ.

Теперь за другимъ дѣло стоитъ! Произнесъ тотъ же невидимый голосъ.

Тотчасъ завяли мѣшокъ и Андрей снялъ другой.

Пасъ я зайцевъ.

Всѣ:

— Пасъ ты заицевъ.

Надрѣзалъ у Назоры по пальцу.

Всѣ :

— Надрѣзалъ у Назоры по пальцу.

Правда ли?

Правда! Воскликнула въ свою очередь Назора, и мѣшокъ былъ завязанъ подобно прежднему.

Когда послѣднiй былъ завязанъ, послышался громъ, мгновенно прокатившiйся по всему дому. Дверь

залы сама собою растворилась и — старикъ съ благородною осанкой предсталъ предъ изумленною толпой. Свѣтло-голубая его одежда осребрялась обширною брадой и фіолетовый поясъ, выложенный зодіяками, обнималъ его величественный станъ. Огромный жезлъ, увитый шелковой зміей, держала его старческая рука и придавала ему необыкновенный видъ. Возвышенное его чело выдавалось изъ подъ Княжеской короны и духъ волшебства выражался на худощавомъ лицѣ его.

Вотъ тебѣ достойный супругъ, дочь моя! Будь щастлива и наслаж-

дайся плодами любви! Произнесъ онъ важнымъ тономъ, подошедши къ Милосвѣтѣ. Ты почитала меня умершимъ, но я живъ еще и старался о тебѣ столько, сколько пещись долженъ отецъ о своей дочери.

Батюшка! Воскликнула Милосвѣта, упавши на колѣна: такъ это ты, почтенный родитель! Позволь твоей покорной дочери обнять отеческія колѣна.

Отецъ мой, благодѣтель! провозгласилъ Андрей и также послѣдовалъ Милосвѣтѣ.

Будте щасливы, дѣти мои! Сказалъ старикъ и соединилъ ихъ руки.

Восхищенный Андрей лишь только было хотѣлъ коснуться эфирныхъ губъ прдлестной Милосвѣты, какъ оступившись упалъ съ возвышеннаго мѣста, на которомъ стоялъ съ молодой супругой.

Представьте себѣ ужасъ и удивленіе Андрея, когда онъ очутился снова въ хижинѣ старика и лежа на жесткой постели, продиралъ заспанные глаза. Солнце взошло уже довольно высоко и хижина озарилась яркими лучами. Старикъ стоялъ подлѣ кровати Андрея и улыбался его изумленію, давая знать сколь не основательны мечты и какъ онѣ сходны съ сновидѣніемъ.

Долго же ты молодецъ ! спишь, добрые хозяева такъ не дѣлаютъ; а еще хочешъ, чтобы жена тебя любила; можноли любить такихъ сонныхъ мужей ?

Андрей молча смотрѣлъ на старика и невѣрилъ своимъ глазамъ.

Что ты такъ пристально глядишь на меня? Или не узнаешь? Развѣ не помнишь, что ты вчера со мной ѣлъ въ ужинѣ дичину, которую самъ-же подарилъ мнѣ для жаркаго ? Пора идти домой: чай, Маша тебя давно дожидается.

Кой чортъ ? не ужели я это видѣлъ во снѣ ? Я женился на Милосвѣтѣ.

Ха, ха, ха! — Милосвѣтъ! Эхъ, какъ ты высоко, братъ, залетаешь! Будь доволенъ и тѣмъ, что во снѣ-то насмотрѣлся на Милосвѣту: нѣтъ, любезный! — надобно сказать тебѣ порядкомъ: ты мастеръ замѣчать проступки другихъ, а самъ же развестись задумалъ съ вѣрною Марьей, тогда какъ ты первый сдѣлался ей невѣрнымъ. Припомника намѣднишній случай. . . Небось, ты себя оправдаешь? Я тебѣ захотѣлъ показать это во снѣ, для того и усыпилъ тебя, давши выпить въ водѣ порошокъ, наводящій сонъ. И такъ, будь снисходителенъ къ слабостямъ

другихъ. Не старайся чужіе пороки носить передъ глазами, а свои позади, Съ сихъ поръ я дѣлаю тебя щасливѣе: переѣзжай въ мою хижину съ твоимъ семействомъ. Я зналъ твоего отца: онъ былъ трудолюбивый и добрый хозяинъ. Будь моимъ наслѣдникомъ и заступи мѣсто отца этимъ малюткамъ, когда могила будетъ моимъ жилищемъ. Прощай.

— Прости, мой благодѣтель! спасибо тебѣ за ласковой ночлегъ.

Стой, стой! разсудилъ ли ты что нужно дѣлать?

— О чѣмъ же мнѣ разсуждать?

Ну, такъ я на этотъ разъ за тебя разсудилъ. Маша! Войди сюда.

Дверь растворилась и Маша какъ робкая лань, какъ боязливая серна, вскочила въ хижину и бросилась, прямо къ Андрею на грудь.

Маша! милая Маша! по какому чуду?...

— Здоровъ ли ты, мой милый. Я тебя искала — искала въ эти дни, нигдѣ не нашла. Вотъ ужъ